

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Всталые и измученные турки не долго выдерживали этотъ огонь и скоро отступили. Они всегда прибѣгаютъ къ этому средству, когда противникъ выказываетъ долгое сопротивленіе ихъ натиску. Первый моментъ нападенія ихъ дѣйствительно ужасенъ, но если съумѣютъ его выдержать, то они болѣе уже не опасны.

Ихъ лошади были до того утомлены, что они, несмотря на отрытый огонь, должны были двигаться только шагомъ, при томъ иные вынуждены были слѣзть съ своихъ лошадей и вести ихъ въ поводу.

Если бы, въ эту минуту, 15 эскадроновъ праваго фланга нашей кавалеріи начали бы атаку, успѣхъ былъ бы полный, но Войновъ, поведеніе котораго, въ этомъ сраженіи, представляется для меня совершенной загадкой, рѣшительно ничего не сдѣлалъ.

Гр. Мантейфель, Лисаневичъ, Дехтеревъ тоже оставались въ полномъ бездѣйствіи и, такимъ образомъ, пропустили удобный случай покрыть славой армію и себя.

Кутузовъ долженъ бы былъ лично прибыть сюда и руководить ходомъ сраженія, но для этого онъ слишкомъ старъ, тяжелъ и лѣнивъ.

Турки же преспокойно впрягли своихъ лошадей въ наши орудія и зарядные ящики, которые они сначала оставили на мѣстѣ, и увезли ихъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюль 1910 г.

Я все это видѣлъ, но ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ кавалерія была не подѣ моимъ начальствомъ. Я могъ бы преслѣдовать турокъ только пѣхотою; я даже приказалъ перейти въ наступленіе, но нашъ противникъ, несмотря на утомленіе, удалялся все-таки настолько поспѣшно, что пѣхота не въ состояніи была догнать его.

Центръ турецкой арміи, какъ только опредѣлилось, что оба ихъ фланги обратились въ бѣгство, тотчасъ же послѣдовалъ ихъ примѣру, и непріятельская артиллерія удалялась съ возможною быстротой.

Если бы я могъ располагать хоть 5-ю эскадронами кавалеріи, я бы сумѣлъ овладѣть всей артиллеріей турокъ съ ихъ измученными лошадьми. Я попробовалъ употребить еще одно усиліе, чтобы повліять на нашихъ кавалеристовъ, но оно было такъ же безплодно, какъ и предыдущее.

Я положительно не могу объяснить себѣ поведеніе этихъ генераловъ! Безъ сомнѣнія и Дехтеревъ и гр. Мантейфель были одними изъ самыхъ храбрыхъ и мужественныхъ офицеровъ, они легко могли бы себя покрыть славою, но, тѣмъ не менѣе, они только обезчестили себя. Я утверждаю, что если бы наша кавалерія исполнила бы свой долгъ, мы отняли бы у турокъ всѣ ихъ 32 пушки (которыми впослѣдствіи завладѣли янычары, причинившіе имъ потери въ 500 или 600 чел.).

Въ этотъ день Войновъ совсѣмъ не выказалъ себя генераломъ, несмотря на свою храбрость, которая никогда не оставляла его; на этотъ разъ онъ совершенно потерялъ голову. Кутузовъ, со свойственными ему мѣткостью и умомъ, вѣрно замѣтилъ, что Войновъ скорѣе неутомимъ и безстрашенъ, какъ гренадеръ, и что онъ всегда спѣшитъ къ сражающемуся эскадрону, совершенно забывая въ то время о другихъ.

Кавалерія наша не только не бросалась преслѣдовать турокъ, но начала свое движеніе только тогда, когда я съ двумя линіями пѣхоты уже сдѣлалъ двѣ версты. Это меня страшно раздражало, и я видѣ себя отъ гнѣва какъ противъ кавалеріи, такъ и противъ ея начальника, не сумѣвшаго заставить ее двигаться.

Единственно, только полковникъ Уманецъ, Кинбургскій полкъ котораго былъ первымъ атакованъ и много потерпѣлъ отъ этого натиска турокъ, собралъ оставшихся людей и явился ко мнѣ на помощь, но было уже поздно¹⁾.

¹⁾ Въ сраженіи подѣ Рущукомъ, я вторично вижу нашу кавалерію не слѣдующею за пѣхотой и потому пропускающей удобные случаи для атаки. Въ сраженіи при Мачинѣ (1791 г.) она поступила такъ же.

Въ трехъ верстахъ отъ поля сраженія мы увидѣли укрѣпленіе, какъ видно начатое только утромъ и уже оконченное въ продолженіе 5 часовъ. Укрѣпленіе это имѣло очень длинное очертаніе и вокругъ него шелъ ровъ, въ иныхъ мѣстахъ доведенный даже до порядочной глубины. Вѣроятно, турки, для сооруженія этого ретраншаменты употребили огромное число мѣстныхъ жителей, которые, затѣмъ, скрылись вмѣстѣ съ янычарами, оставивъ на мѣстѣ всѣ свои инструменты, которыми мы и воспользовались во множествѣ.

Мы прошли около 5 верстъ, но турокъ все еще не было видно, несмотря на то, что мы были уже въ 4-хъ верстахъ отъ ихъ лагеря. Это привело насъ къ убѣжденію, что ихъ тамъ вовсе нѣтъ ¹⁾.

Мы не ждали найти этотъ лагерь укрѣпленнымъ, но оказалось, что его укрѣпили только 5-ю редутами, построенными впереди фронта и расположенными въ видѣ квадратовъ.

Я не сомнѣвался въ томъ, что мы легко можемъ снести этотъ лагерь и, завладѣвъ орудіями (такъ какъ наша кавалерія подошла наконецъ къ намъ), окончательно довершить побѣду.

Но Кутузовъ судилъ совсѣмъ иначе и несмотря на всѣ мои старанія склонить его къ этому предпріятію, успѣхъ котораго такъ легко достижимъ, онъ остановилъ всѣ войска, а затѣмъ повернулъ назадъ и возвратился въ свой лагерь.

На всѣ мои доводы, онъ отвѣтилъ такъ: „Вы знаете, что наши люди не умѣютъ хорошо ходить въ атаку, а я, будучи отброшенъ съ перемѣшанными въ беспорядкѣ частями, легко могу понести полное пораженіе. Подумайте, вѣдь у меня только одна армія!“—Трудно было разсуждать болѣе односторонне, руководствуясь лишь излишней предосторожностью, болѣе чѣмъ неумѣстной. Настоящей же причиной его нерѣшительности, главнымъ образомъ, была его обычная трусливость, старость и тучность, всегда мѣшавшія ему въ подобныхъ случаяхъ. Онъ изнемогалъ отъ усталости и жары, хотя послѣдняя и дѣйствительно была невыносима; около 4-хъ часовъ дня, я нашелъ Кутузова лежащимъ на горячей землѣ, задыхающимся отъ жары. Онъ былъ не въ состояніи не только дѣйствовать, на даже и думать.

Мы ему сдѣлали изъ турецкихъ флаговъ маленькую палатку и когда онъ отдохнулъ и могъ говорить, онъ искренно и въ трогательныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ пѣхотныхъ генераловъ, дѣйствительно заслужившихъ ее; тогда какъ кавалерійскіе генералы

¹⁾ И дѣйствительно въ лагерь никого не было.

не только не получили никакой благодарности, но даже были очень дурно приняты. Въ данномъ случаѣ Кутузовъ былъ совершенно правъ.

Въ 10 ч. вечера мы уже были въ своемъ лагерѣ.

Мы разбили всѣ планы турокъ, но къ сожалѣнію не только не завладѣли ихъ пушками, а даже потеряли одну свою, что служило нѣкоторымъ помраченіемъ нашего успѣха.

Въ этомъ сраженіи русская пѣхота снова заслужила названіе „стѣны“, которое ей далъ прусскій король въ Семилѣтнюю войну.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ мои каре выдержали 3 или 4 кавалерійскихъ атаки; какъ они, въ промежуткахъ между атаками, подвергались страшному огню; какъ люди, пораженные пулями или снарядами, падали, но прочіе стояли неподвижно. Артиллерія также ни въ чемъ не уступала пѣхотѣ.

Это сраженіе произвело большую сенсацію въ Европѣ, и газеты говорили о немъ съ большимъ энтузіазмомъ, чего впрочемъ оно не заслуживало по славѣ. Не знаю, кто мнѣ оказалъ дурную услугу, напечатавъ во французской газетѣ (Четвергъ, 5 дек. 1811 г.), что будто-бы это сраженіе выиграно только благодаря моимъ распоряженіямъ. Такъ какъ это сообщеніе было не совсѣмъ вѣрно, то оно меня очень опечалило. Въ этотъ день я исполнилъ только свой долгъ, и дѣйствительно я не смѣю ни въ чемъ себя упрекать, мнѣ удалось совершить то, чего мнѣ такъ хотѣлось, и чего бы я легко достигъ, имѣя при себѣ кавалерію.

Въ войнѣ съ турками, генералы, командующіе пѣхотою, заключенною въ каре, имѣютъ мало средствъ отличиться; тогда какъ кавалерійскіе генералы могутъ сдѣлать рѣшительно все, что только захотятъ. Но наши генералы, въ этомъ сраженіи, не захотѣли ничего дѣлать. Я могу смѣло сказать про себя, не боясь быть обвиненнымъ въ самохвальствѣ, что если бы я командовалъ арміей, побѣда была бы полная и, можетъ быть, этимъ сраженіемъ окончилась вся кампанія, такъ какъ я бы овладѣлъ всѣмъ лагеремъ и пушками турокъ, а черезъ 4 дня отправился бы въ Шумлу. Турки навѣрное бы испугались и разбѣжались, а великій визирь, уже черезъ 8 дней, не собралъ бы и половины своей арміи.

Мы потеряли 1.180 чел. Потери же турокъ равнялись 2.000 убитыхъ; особенно они пострадали отъ огня нашей артиллеріи, которая сильно поражала ихъ, когда они переходили черезъ наши каре.

Поведеніе нашей кавалеріи не осталось неизвѣстнымъ и въ Петербургѣ. Государь приказалъ Кутузову представить объ этомъ оффиціальнѣйшій отчетъ и указать виновныхъ, но нашъ старый вождь возсталъ противъ этихъ строгихъ мѣръ. Хотя кавалеристы были

дѣйствительно виноваты, но ихъ прежнія заслуги и долговременныя службы говорили за нихъ, и потому Кутузовъ, на запросъ Государя, отвѣчалъ, что тѣ, которыхъ непредвидѣнныя обстоятельства сдѣлали виноватыми, уже достаточно наказаны лишеніемъ наградъ, которыхъ онъ просилъ для нихъ. Получивъ такой отвѣтъ, Государь не забылъ о немъ и, когда, черезъ 4 мѣсяца, Кутузовъ вновь представилъ за боевые подвиги 7-ой егерской и Бѣлорусской гусарской полки, то Государь пожаловалъ егерямъ серебряныя трубы, а гусарамъ въ наградѣ отказалъ; при чемъ повелѣлъ передать Кутузову, что только новыя удачи гусаръ могутъ изгладить воспоминанія объ ихъ прежнемъ поведеніи ¹⁾).

Государь также повелѣлъ запросить Кутузова, что правда ли, что многіе изъ рекрутовъ еще не получили обмундированія.

Такъ какъ рекруты были въ моемъ вѣдѣніи, то я смѣло отвѣчаю, что если хотять, чтобы они были одѣты, то обмундировальная комиссія должна была выслать вещи заранѣе, по крайней мѣрѣ въ іюнь, когда кампанія еще только началась. На этомъ дѣло и кончилось.

Всѣ эти мелкія подробности и пустяки были сообщены волонтерами. Адъютантъ Кутузова, гвардіи капитанъ Кайсаровъ, отвозившій въ Петербургъ донесеніе объ окончаніи сраженія, повезъ также съ собой и письма, но не прочиталъ ни одного изъ нихъ (какъ видно, Кутузовъ не обладалъ слабостью гр. Каменскаго), хотя военный министръ Барклай и предупреждалъ его, чтобы онъ относился съ большою осторожностью ко всему, что писали изъ арміи. Между этими письмами было письмо и Ланскаго, гдѣ онъ описывалъ разныя происшествія, не пощадивъ никого. Его письмо облетѣло весь Петербургъ и стало примѣромъ неосторожности и причиной многихъ сплетенъ.

Занятое нами расположеніе послѣ сраженія, потеря одной пушки и двухъ зарядныхъ ящиковъ дали возможность туркамъ составить реляцію въ свою пользу. Г-нъ де-ла-Туръ передалъ намъ секретъ Наполеоновскихъ бюллетеней, и вскорѣ мы увидѣли во всѣхъ фран-

¹⁾ Бѣлорусскій полкъ, дѣйствуя еще подъ начальствомъ Михельсона, приобрѣлъ славную репутацію. Имъ командовалъ тогда генер. Павелъ Кутузовъ, а въ 1811 г. имъ командовалъ Ланской, извѣстный своимъ мужествомъ и военными доблестями; при немъ-то полкъ и потерялъ всю свою славу, хотя въ сраженіи подъ Русукомъ самого Ланскаго и не было при полку; онъ тогда лежалъ больнымъ лихорадкой въ Журжевѣ. Быть можетъ, если бы онъ былъ со своимъ полкомъ, то и результатъ былъ бы совсѣмъ другой.

цузскихъ газетахъ извѣстія о томъ, что будто бы мы повсюду были разбиты и потеряли всю нашу артиллерію, что одинъ изъ нашихъ генераловъ былъ убитъ въ своей каретѣ, и что послѣ трехъ приступовъ Рущукъ былъ снесенъ и т. д... Когда, черезъ 4 мѣсяца, объ этомъ заговорили съ великимъ визиремъ, то онъ отвѣчалъ, что онъ не причастенъ ни къ одной изъ этихъ реляцій, а что они фабриковались въ Константинополѣ.

Реляція Кутузова была очень коротка и скромна для насъ, даже слишкомъ скромна, такъ какъ онъ тамъ говорилъ только о себѣ, не упомянувъ даже имени ни одного изъ генераловъ. Можно себѣ представить, какъ мы были этимъ шокированы. Онъ понялъ это, почувствовалъ свою ошибку и съ тѣхъ поръ измѣнилъ уже тонъ своихъ реляцій.

Онъ ужасно беспокоился, какъ примутъ въ Петербургѣ его реляцію; по убѣжденіямъ ли изъ-за политики, но реляція была принята прекрасно, и Кутузовъ получилъ портретъ Государя, и всѣ генералы (исключая кавалерійскихъ) и многіе изъ офицеровъ—награды, которыя, впрочемъ, были очень дурно распределены и сдѣлали больше недовольныхъ, чѣмъ счастливыхъ.

Я получилъ золотую шпагу, украшенную брилліантами, но отказался отъ нея. Государь повысилъ въ чинъ генераль-лейтенанта 9 генераловъ, бывшихъ моложе меня, изъ которыхъ только двое были надеждой арміи ¹⁾, два даже ея стыдомъ ²⁾, а остальные служили меньше меня ³⁾. Государь, давно, еще въ Петербургѣ, обѣщаль мнѣ дать, при первой возможности, чинъ генераль-аншефа, и я написалъ ему, прося обѣщанный мнѣ чинъ, который я долженъ былъ получить еще два года назадъ.

Нѣсколько времени спустя, послѣ этого сраженія, одинъ турокъ, Мустафа-Ага, приближенный великаго визиря, обыкновенно исполнявшій всѣ его порученія, явился къ Кутузову, чтобы выразить извѣстный знакъ вѣжливости. Замѣтивъ, у Кутузова въ петлицѣ портретъ Императора и узнавъ, что онъ пожалованъ ему за Рущукское сраженіе, онъ, съ нескрываемой ироніей и очень ипокритическимъ тономъ произнесъ:... „я въ восторгѣ, такъ какъ нашъ великій визирь тоже получилъ брилліантовую эгретку за то же сраженіе“...

23 іюня мы чувствовали себя совершенно покойно, и Кутузовъ отдалъ приказаніе начать постройку укрѣпленія, которое пересѣ-

¹⁾ Барклай-де-Толли и князь Багратионъ.

²⁾ Графъ Сергѣй Каменскій и Милорадовичъ.

³⁾ Платовъ, Дохтуровъ, Ламсдорфъ, гр. Николай Каменскій и друг.

кало бы какъ Черноводскую дорогу, такъ и равнину, по которой турки обошли нашъ лѣвый флангъ. 24 числа, въ 11 час. вечера, онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ генераловъ и передалъ мнѣ приказаніе, чтобы я, вмѣстѣ съ своимъ корпусомъ и кавалеріей, немедленно перешелъ бы Дунай, и генер. Эссену онъ приказалъ остаться временно въ Рушукъ, вывезти всю артиллерію и продукты, а затѣмъ сжечь городъ и 26-го вечеромъ присоединиться ко мнѣ.

Все это было исполнено въ необыкновенномъ порядкѣ и въ точности, что дѣлаетъ ген. Эссену большую честь.

Въ 2 часа ночи всѣ войска были уже на своихъ мѣстахъ, а 25-го, вечеромъ, вся артиллерія, несмотря на то, что было болѣе 150 пушекъ, была вывезена.

Несчастные болгарскіе жители Рушука и нѣкоторые валахскіе купцы никакъ не ожидали, чтобы мы покинули городъ; многіе изъ нихъ имѣли цѣнное имущество, богатые товары, и все это они должны были потерять. Такъ какъ они нигдѣ не могли достать себѣ повозокъ для перевозки вещей, то, несмотря на невыносимую жару, они сами, на своихъ спинахъ, перетаскивали все болѣе цѣнное изъ Рушука въ Журжево, а это составляло около 4 верстъ пути. Мы съ грустью смотрѣли на это печальное зрѣлище ¹⁾.

Кутузовъ присутствовалъ лично при нашемъ переходѣ черезъ Дунай и все время выказывалъ ужасное волненіе и нетерпѣніе. Онъ до такой степени забылся, что позволилъ себѣ ударить шпагой одного офицера 29-го егерскаго полка. Къ счастью этотъ офицеръ былъ на дурномъ счету, но во всякомъ случаѣ поступокъ Кутузова остается такимъ же нетактичнымъ, чтобы не сказать болѣе ²⁾.

Наконецъ, 26 іюня, въ 8 ч. вечера, въ городѣ никого не осталось, кромѣ гарнизона. Подъ прикрытіемъ постовъ и при пушечныхъ выстрѣлахъ, возвѣщавшихъ наше отступленіе, всѣ войска корпуса Эссена перешли мостъ и построились въ боевомъ порядкѣ на лѣвомъ берегу Дуная.

¹⁾ Судьба этихъ несчастныхъ снова была поручена ст. сов. Коронели который такъ отлично устроилъ свои дѣла черезъ нихъ въ Болгаріи въ 1809 г. и въ Силистріи въ 1810 г. Гр. Каменскій, врагъ всѣхъ этихъ грабежей, выгналъ его, а Кутузовъ снова его принялъ. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей его, дворъ котораго состоялъ изъ подобныхъ личностей.

²⁾ Подъ большимъ секретомъ Кутузовъ, черезъ нѣсколько времени, просилъ меня отправить этого офицера въ Рушукъ. Я не понималъ причины и не могъ исполнить его желанія, такъ какъ такого офицера не нашлось среди сражавшихся.

Валы Руцука вовсе не были разрушены, потому что нужно было употребить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, чтобы ихъ уничтожить, а то, что было тамъ испорчено, въ очень короткое время возстановлено было турками. Земляные валы, по своей давности постройки, стали такъ тверды, какъ будто сдѣланы изъ камня.

Городъ долженъ былъ быть подоженъ со всѣхъ сторонъ только тогда, когда уже всѣ войска будутъ выведены. Порученіе это было возложено на ген. Гартинга, но этотъ бѣдный генералъ, которому, кажется, всегда суждено быть неловкимъ и несчастливымъ во всякомъ дѣлѣ, за которое онъ принимался, и здѣсь поступилъ неудачно. Вслѣдствіе его неточныхъ распоряженій, огонь сталъ распространяться раньше, чѣмъ войска начали выступленіе, такъ что 7-ой егерскій полкъ, который выступалъ послѣднимъ, проходилъ по улицамъ среди пылающихъ домовъ. Не удался ему также и взрывъ мины цитадели. Городъ сгорѣлъ почти совсѣмъ до тла, и мы были свидѣтелями этого зрѣлища, чуднаго и ужаснаго въ одно и то же время. Дунай отражалъ въ своихъ водахъ пламя пожара, свѣтъ котораго былъ сильнѣе свѣта луны, бывшей тогда во второй фазѣ.

Ген. Эссенъ пробывъ въ городѣ, пока всѣ оттуда не вышли, и самъ ушелъ послѣднимъ. Какъ только онъ перешелъ мостъ, въ одну минуту подняли, всѣ якоря, и мостъ теченіемъ стало относить на нашу сторону.

И такъ, проникнувъ съ войсками почти до самыхъ Балканъ, мы вдругъ покинули правый берегъ Дуная, и теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, миръ казался намъ дѣломъ далекаго будущаго.

Это отступленіе отъ Руцука многіе сильно критиковали; мы даже читали во французскихъ газетахъ длинныя разсужденія по этому событію, гдѣ Кутузова не очень щадили. Но я далеко не раздѣляю этого мнѣнія. Кутузовъ поступилъ очень умно, покинувъ Руцукъ; во-первыхъ, эта крѣпость, какъ я уже замѣтилъ, не вмѣститъ всю ту массу пѣхоты, которая была съ нами, а во-вторыхъ, если бы мы даже тамъ какъ-нибудь и размѣстились, то при нападеніи турокъ (что дѣйствительно они намѣревались сдѣлать), мы слишкомъ мало имѣли средствъ къ оборонѣ. Если бы мы начали отступленіе тогда, то это дало бы имъ возможность окружить Руцукъ и Журжево, и мы могли бы потерять путь отступленія. Единственная вина Кутузова состоитъ въ томъ, что онъ не успѣлъ воспользоваться уничтоженіемъ турокъ послѣ Руцукскаго сраженія. Преслѣдуя ихъ безостановочно, онъ могъ бы дойти до Шумлы и тамъ уже совершенно разсѣять ихъ; тогда бы окончилась война, и были бы разрушены всѣ турецкія укрѣпленія, построенныя великимъ визиремъ. Тогда бы и дефиле у Пизанцы не были бы для насъ препятствіемъ,

такъ какъ ихъ некому было бы защищать. Кутузовъ долженъ былъ знать, что такое турецкая армія, когда она побита или ожидаетъ этого.

Сначала мы думали, что при оставленіи Рущука, Кутузовъ руководился только указаніями Двора, но затѣмъ мы узнали, что такое умное распоряженіе было отдано имъ самимъ и что онъ сильно волновался, не зная, какъ будетъ принято въ Петербургѣ извѣстіе о его дѣйствіяхъ.

Послѣ нашего отступленія отъ Рущука, Кутузовъ послалъ въ Слободзею генер. Войнова съ Бѣлорусскимъ и 39 егерскимъ полками; Олонецкій полкъ возвратился въ Турно, а остальная армія расположилась лагеремъ на лѣвомъ берегу Дуная; при чемъ, лѣвый флангъ занялъ прежнія Слободзейскія укрѣпленія, что около Журжева, а правый около самой деревни. Главная квартира размѣстилась въ Журжево.

Великій визирь, собравъ сколько могъ войскъ, подошелъ къ Рущуку, занялъ его и расположился около города; палатку его разбили въ Маріатинской равнинѣ.

Кутузовъ, зная энергію и предприимчивость визиря, не сомнѣвался въ томъ, что послѣдній непременно захочетъ попробовать перейти Дунай, но, также какъ и мы всѣ, онъ предполагалъ, что мѣсто для переправы будетъ выбрано около Виддина или около Ольты и Жин, но никто не ожидалъ, что все это произойдетъ передъ самими нашими глазами.

Предположеніе Кутузова еще болѣе подтвердилось, когда онъ узналъ, что Измаиль-Бей съ 15.000 (часть которыхъ была изъ арміи великаго визиря) дѣствительно перешелъ Дунай у Виддина. Тогда онъ отправилъ въ Валахію Шлиссельбургскій полкъ, Выборгскій и 5 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ, подъ командою Бенкендорфа. Къ этимъ силамъ онъ присоединилъ казаковъ Кутейникова полка, вызванныхъ изъ Бессарабіи.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ мы оставались въ полномъ бездѣйствіи. Корпуса Эссена и мой составляли, такъ называемыя, главные силы, въ которыхъ вооруженныхъ не было и 15 тысячъ чел.

Сначала предполагали, что корпусъ Эссена перейдетъ въ Турно, а конница займетъ Ольту, но великій визирь предупредилъ насъ и занялъ эти мѣста. Кутузовъ же, не желая ослаблять себя новыми стычками, перемѣнилъ дислокацію и послалъ Эссена въ Слободзею, на мѣсто Войнова. За послѣднее время, Войновъ сталъ хворать лихорадкою, и хотя эта болѣзнь, сама по себѣ, совсѣмъ не тяжелая, онъ уже давно рѣшилъ оставить службу.

Вызовъ его изъ Краіова еще болѣе утвердилъ его въ этомъ рѣ-

шеніи. Онъ попросилъ перевода въ Яссы и тамъ подалъ въ отставку, которая и была ему дана, къ большому сожалѣнію всей арміи, любившей его за энергію, дѣятельность, доброту и честность.

Съ назначеніемъ Эссена вмѣсто Вейнова, корпусъ Эссена былъ порученъ генер. Булатову, но въ уменьшенномъ, на 5 эскадроновъ и на 5 баталіоновъ, составѣ.

Флотилію расположили за 4 версты отъ Журжева, и казаковъ Грекова и Астахова помѣстили бивакомъ, на возвышенностяхъ, передъ Маріатинской равниной, влѣво отъ Журжева.

Тѣмъ не менѣе, Гамидъ-Ефенди все время велъ въ Бухарестѣ съ Италинскимъ переговоры о мирѣ, но такъ какъ мы не сходились на первомъ же пунктѣ, т. е. о границахъ (турки хотѣли, чтобы границей былъ Днѣстръ, а мы—Дунай, въ чемъ огромная разница), то Кутузовъ, къ своему крайнему сожалѣнію, долженъ былъ заставить прекратить эти переговоры, и Гамидъ-Ефенди возвратился въ лагерь великаго визиря.

Время двухмѣсячнаго нашего бездѣйствія было для насъ невыгодно, такъ какъ мы страдали отъ ужасной жары. Я не припомню въ Молдавіи подобнаго лѣта, оно мнѣ скорѣе напоминало климатъ въ С.-Донато, но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ другими годами, въ этомъ году у насъ было мало больныхъ. Причиной такого благополучія вѣроятно было хорошее продовольствіе солдатъ, тщательный за ними надзоръ, а главное—ихъ не утомляли строевыми занятіями (что сильно опечалило ближайшее начальство). Благодаря этимъ заботамъ, вся армія провела въ Валахіи рѣдко счастливое лѣто, оцѣнивъ заботы Кутузова, она еще сильнѣе привязалась къ нему.

Нашъ главнокомандующій и великій визирь посылали другъ другу подарки, въ видѣ плодовъ и проч. Отъ визиря ихъ приносили къ намъ его довѣренный и приближенный Мустафа-Ага, а съ нашей стороны это посольство исполнялъ молодой Антонъ Фонтенъ. Въ одно изъ посѣщеній его лагеря великаго визиря, онъ имѣлъ съ нимъ очень интересный и необыкновенный разговоръ, который я не могу не занести на эти страницы.

Когда Фонтенъ явился къ намъ, чтобы рассказать свою бесѣду съ визиремъ, я, несмотря на все мое къ нему довѣріе, не могъ не усумниться въ истинѣ рассказываемаго, но черезъ 3 мѣсяца, самъ визирь, передавая мнѣ это происшествіе, почти повторилъ слова Фонтена. Привожу весь ихъ разговоръ дословно.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о политикѣ, великій визирь обратился къ Фонтону со слѣдующими словами: „Передайте генералу

Кутузову, что я уже давно ¹⁾ чувствую, насколько сильно я его люблю и уважаю; такъ же какъ и я, онъ честный человекъ, и мы оба хотимъ блага для нашей родины, но наши повелители еще молоды и наше дѣло руководить ихъ интересами. Давно пора покончить эту раззорительную войну, которая оба государства ведетъ къ паденію. Всякая наша потеря невыразимо радуется нашего общаго врага и врага всего человѣчества, ужаснаго Наполеона, потому что это обѣщаетъ ему болѣе легкую побѣду. Придетъ и до насъ очередь бороться съ нимъ, но начнетъ онъ съ васъ; развѣ вы это не чувствуете? Кутузовъ это отлично знаетъ, но въ Петербургѣ у васъ есть врагъ болѣе злѣйшій, чѣмъ Латуръ-Мабуръ въ Константинополѣ, это вашъ Румянцевъ, который обманываетъ своего повелителя и измѣняетъ своей родинѣ ²⁾. Неужели онъ думаетъ, или хочетъ думать, что французы интересуются вами? Я вамъ сейчасъ покажу послѣднюю телеграмму, полученную мною отъ Латуръ-Мабура, гдѣ онъ совѣтуетъ мнѣ не заключать мира и увѣряетъ, что правый берегъ Днѣстра и Крымъ будутъ нашей границей“.

За этой депешей онъ обратился къ Раю-Габель-Эфенди, который, вѣроятно, былъ очень пораженъ такой нескромностью визиря и, сдѣлавъ дипломатическую гримасу, которая, навѣрно, ни одному изъ министровъ такъ хорошо не удавалась, отвѣчалъ, что онъ отослалъ эту депешу въ Константинополь.

„Очень сожалѣю,—прибавилъ великій визирь,—что ея нѣтъ при мнѣ, а то бы я вамъ доказалъ, что все, что я говорилъ—истинная правда. Теперь же передайте Кутузову, что я перейду Дунай, опустошу всю Валахію ³⁾, хотя мнѣ и очень жаль ея несчастныхъ жителей; я не буду останавливаться у крѣпостей, но длинными переходами и недостаткомъ продовольствія доведу васъ до утомленія и погублю всю вашу армію. Не правда ли, что ужъ лучше заключить миръ. Удовлетворитесь малымъ, и тогда мы можемъ быть союзниками. Это единственное средство спастись намъ обоимъ. Все равно, Дунай никогда не будетъ вашимъ, лучше мы будемъ воевать 10 лѣтъ, чѣмъ уступить его. Передайте все это Кутузову, моему другу, и не забудьте также ему сказать, что отъ насъ зависитъ счастье и безопасность двухъ государствъ“.

¹⁾ Когда Кутузовъ былъ въ Константинопольскомъ посольствѣ, то Ахметъ часто сопровождалъ его въ прогулкахъ.

²⁾ Хотя это и не правда, но этому легко можно вѣрить.

³⁾ Тогда можно было смотрѣть на эту угрозу, какъ на фанфаронство, достойное только береговъ Гаронны, но, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ все такъ, какъ говорилъ.

Трудно говорить съ большимъ умомъ, ловкостью и прямою. Кутузовъ, выслушавъ разсказъ Фонтона, который передавалъ его при мнѣ, воскликнулъ: „Гдѣ, чортъ возьми, этотъ Лазскій пиратъ, неумѣющій писать, научился всему этому?“ Дѣйствительно, это было очень странно, такъ какъ многіе изъ самыхъ цивилизованныхъ министровъ этой страны не настолько образованы. Кутузовъ, человекъ умный и умѣющій предвидѣть всѣ событія, очень желалъ мира; онъ прекрасно понималъ, что граница Дуная, которую Румянцевъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлать нашей, являлась для насъ непреодолимымъ препятствіемъ и, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились тогда, это желаніе было положительной химерой. Кутузовъ не могъ противиться желаніямъ Румянцева, такъ какъ былъ увѣренъ, что послѣдній дѣйствуетъ въ силу приказаній Государя, но онъ ошибался. Для такого человека, какъ Кутузова, куртизана и боявшагося сдѣлать что-либо, могущее не понравиться Двору, эта увѣренность имѣла сильное вліяніе на все его поведеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки донесъ Государю весь разговоръ великаго визиря съ Фонтономъ, выпустилъ только все, что касалось Румянцева. Онъ самъ мнѣ сказалъ объ этомъ; при чемъ добавилъ, что въ письмѣ этомъ онъ не выразилъ своего взгляда и мнѣнія. Тогда я признался ему, что я написалъ письмо полковнику Воейкову (которое онъ, вѣроятно, показалъ военному министру), гдѣ я говорилъ, что Бессарабія и часть Молдавіи для насъ необходимы и вполне могутъ насъ удовлетворить и что турки, вѣроятно, согласятся уступить намъ ихъ, я прибавилъ, что я зналъ, что герцогъ Ришелье, бывшій въ перепискѣ съ Государемъ, писалъ ему уже объ этомъ. Сначала я опасался, чтобы Кутузовъ не разсердился за это сообщеніе, но вышло наоборотъ, онъ былъ въ восторгѣ; у него самого не хватило бы характера и энергіи на подобный шагъ, но, узнавъ, что этотъ щекотливый вопросъ уже затронутъ, онъ, не колеблясь, повелъ дѣло въ томъ же направленіи и собственноручно написалъ письмо военному министру.

Такъ какъ визирь выставилъ гораздо больше силъ и выказалъ больше энергіи, чѣмъ мы могли отъ него ожидать, то Кутузовъ принялъ разумныя предосторожности, чтобы быть въ состояніи отразить нападеніе непріятеля. Онъ испросилъ у Государя разрѣшенія передвинуть къ себѣ 9-ю и 15-ю дивизіи, первую подъ начальствомъ Ермолова, а вторую—Маркова, а также бывшій на Днѣстрѣ 6-й казачій полкъ отважнаго Сысоева.

Ходатайство Кутузова было удовлетворено, и онъ получилъ разрѣшеніе располагать этими войсками, если въ томъ явится надобность.

Видя, что нечего опасаться за свой лѣвый флангъ, и зная, что визирь не собирается проникнуть въ Бессарабію и что онъ никого не оставилъ въ Силистріи, Кутузовъ приказалъ отряду ген. Денисова подойти изъ с. Табакъ къ Слободзеѣ, гдѣ тогда находился Эсенъ. Всѣ мѣры, которыя принялъ Кутузовъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, дѣлаютъ ему большую честь; онъ такъ осторожно и обдуманно велъ дѣло и дѣйствовалъ такъ хорошо, что у него все было готово въ-время.

Но увѣренность Кутузова, что турки никогда не посмѣютъ, въ его присутствіи, перейти Дунай, заставила его упустить нѣкоторыя предосторожности, соблюдать которыя было необходимо.

Я уже говорилъ, что Кутузовъ довольно хорошо организовалъ шпионство, но у насъ былъ еще вѣрнѣе способъ узнавать, что дѣлалось въ лагерѣ визиря — это посылать туда своихъ людей съ приказаніемъ захватывать ихъ пикеты. 7 разъ мы предпринимали это и каждый разъ оно кончалось полнымъ успѣхомъ. Казаки Грекова производили эти нападенія съ необыкновенной смѣлостью и отвагой. Дѣлалось это такъ: въ три маленькія лодочки садились 10 казаковъ со своими лошадьми; ночью они переплывали Дунай и входили въ турецкій лагерь. Послѣ cadaго такого нападенія, они приводили намъ двухъ-трехъ турокъ. Нѣсколько разъ наши казаки производили даже безпокойство въ непріятельскомъ лагерѣ, и мы слышали стрѣльбу, продолжавшуюся очень долго, тогда какъ казаки съ плѣнниками были уже дома.

Всѣ эти набѣги поручались уряднику Увалову, который, въ награду за свою службу, получилъ офицерскій чинъ и орденъ Св. Анны 4-ой степени.

Во время нашего бездѣйствія, подъ предлогомъ повидать своихъ старыхъ товарищей, пріѣхалъ въ армію, изъ Царства Польскаго, ген. Уваровъ и прожилъ у насъ цѣлую недѣлю. Мы никакъ не могли понять настоящей цѣли его пріѣзда, но подозрѣвали, что онъ былъ секретно посланъ Государемъ, чтобы разузнать о недостойномъ поведеніи нашей кавалеріи въ дѣлѣ подъ Русукомъ, такъ какъ онъ часто возвращался къ вопросу объ этомъ дѣлѣ.

Сраженіе при Слободзеѣ.

Спустя нѣкоторое время, въ Бухарестѣ начали сильно говорить о переходѣ турками Дуная. Въ этомъ городѣ всѣ знали о намѣреніяхъ турокъ, но, въ свою очередь, старались всегда въ-время предупредить и турокъ о нашихъ преднамѣреніяхъ.

Зассъ также сообщилъ, что объ этомъ идутъ дѣятельные разговоры и въ Виддинѣ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ переходъ казался немислимымъ вслѣдствіе недостатка у визиря средствъ для исполненія этого намѣренія. У него было только 2 или 3 большихъ судна и 10 маленькихъ лодокъ, которыя онъ соорудилъ у насъ передъ глазами, на р. Ломъ. Мы должны бы уничтожить или захватить эти суда, но сдѣлать это пренебрегли, такъ какъ были твердо увѣрены, что визирь, будучи такъ близко отъ насъ, не посмѣетъ на что-либо рѣшиться безъ того, чтобы у насъ не приняли бы всѣхъ мѣръ предосторожности. Если бы наша флотилія, скрытая за островами Дуная, была бы размѣщена выше нашего лагеря, то, двигаясь по теченію, она, при первомъ же извѣстіи о намѣреніи турокъ перейти Дунай, могла бы помѣшать исполненію ихъ плава.

Если бы мы построили 3 или 4 редута въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ болѣе удобенъ для высадки, и если бы у насъ было побольше казачьихъ постовъ, я не сомнѣваюсь, что тогда мы бы избѣгли того стыда и опасности, которые были послѣдствіемъ нашей беспечности. Но въ этихъ беспорядкахъ я никакъ не могу винить одного Кутузова, такъ какъ мы всѣ, въ данномъ случаѣ, виноваты. Самъ такъ мало ожидалъ какихъ-либо военныхъ дѣйствій и такъ былъ увѣренъ въ скоромъ окончаніи кампаніи, что уже занялся вопросомъ о зимнихъ квартирахъ, на которыя я долженъ перебраться 1-го октября.

Хотя мы, съ своей стороны, сдѣлали все, чтобы облегчить визирю переходъ черезъ Дунай, но надо отдать справедливость, что всѣ его распоряженія и приготовленія были такъ обдуманно и рассчитаны, что я смѣло могу сказать, что это было одно изъ самыхъ блестящихъ дѣйствій турокъ, которыя мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Если бы этотъ смѣлый и энергичный мусульманинъ воспользовался своими первыми успѣхами и если бы онъ начальствовалъ надъ дисциплинированнымъ войскомъ, то онъ заставилъ бы насъ удалиться отъ Дуная и могъ бы войти въ Валахію.

Лѣвый берегъ Дуная вообще низокъ, а правый, напротивъ, высокъ, особенно вправо отъ Рушука, къ западу. Въ пяти верстахъ отъ Журжева и въ одной верстѣ отъ Дуная находится небольшая возвышенность, на которой расположена деревня Слободзея. Возвышенность, удлинняясь отъ Дуная, тянется вправо и въ пяти верстахъ отъ Слободзеи упирается въ д. Милке, около которой протекаетъ ручей того же имени, впадающій въ Дунай. Между этимъ ручьемъ, Дунаемъ и возвышенностью тянется болотистая поляна, часто затопляемая, окраина которой покрыта лѣскомъ и мелкимъ кустарникомъ. Въ этомъ мѣстѣ Дунай очень узокъ и по срединѣ

рѣки лежитъ островокъ, такъ что для перехода рѣки нѣтъ болѣе удобнаго мѣста, а его-то мы и пренебрегли укрѣпить.

Вотъ на этой-то полянѣ, весной совершенно затопленной, а тогда сухой и твердой, произошли интереснѣйшія событія этой кампаніи. Въ ночь съ 27-го на 28-е августа визирь отправилъ нѣсколькихъ кирджалиевъ (разбойники, пропавшіе люди) на лѣвый берегъ Дуная, въ четырехъ верстахъ отъ нашего праваго фланга лагеря и въ одной или двухъ верстахъ отъ редута, который мы построили передъ р. Ломъ. Казаки, находившіеся на аванпостахъ, увидѣвъ высаживавшихся турокъ, оставили свои посты и поскакали къ мѣсту высадки. Полковникъ Васильчиковъ, завѣдывавшій въ этотъ день аванпостами, захвативъ съ собою резервъ, поспѣшилъ къ указанному казаками мѣсту, а за нимъ слѣшно двинулся со Староингерманландскимъ полкомъ и генераль Сабанѣевъ. Я тоже бѣгомъ поспѣшилъ туда, но дѣло было уже окончено. Наши выгнали этихъ 300 человекъ, посланныхъ съ цѣлью только привлечь наше вниманіе и погибнуть тутъ же. Многіе изъ нихъ были убиты, а остальные успѣли вскочить въ лодки и спастись. У насъ тоже было пять человекъ убито и ранено, изъ нихъ особенно сильно былъ раненъ маіоръ Архангелогородскаго полка Римапъ.

Предполагали, что этимъ все и кончится, но около пяти часовъ утра, когда наши казаки снова хотѣли занять свои посты, они застали тамъ турокъ, преспокойно расположившихся на лѣвомъ берегу.

Въ двухъ верстахъ выше того мѣста, гдѣ была ихъ первая высадка, находился старый, полуразвалившійся редутъ, построенный въ прошломъ году Зассомъ, для защиты праваго фланга корпуса, участвовавшаго въ блокадѣ Журжева. Великому визирю удалось въ эту ночь перевезти на своихъ трехъ большихъ судахъ и шести маленькихъ лодкахъ 4—5 тысячъ янычаръ, которые, будучи увѣрены, что они обречены на гибель, стали противиться его приказанію, но тогда визирь велѣлъ силою усадить ихъ въ лодки съ помощью страшныхъ угрозъ и даже побоевъ отправилъ ихъ. Переправившись на лѣвый берегъ, янычары сейчасъ же приступили къ приведенію стараго редута въ оборонительное положеніе.

Кутузовъ, узнавъ, что около его лагеря находятся турки, отправилъ на рекогносцировку Булатова съ пятью баталіонами войскъ, уже утомленныхъ ночной тревогой. Люди эти были мало способны на что-либо серьезное, и это была большая ошибка со стороны Кутузова. Въ этомъ случаѣ онъ отступилъ отъ своихъ разсудительныхъ правилъ, о которыхъ Фолордъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „Я ничего не считаю такимъ труднымъ, какъ переходъ черезъ

большія рѣки, будь то исполнено хитростью или силою, особенно когда имѣютъ дѣло съ врагомъ неусыпно бдительнымъ; но, тѣмъ не менѣе, ихъ переходятъ, и рѣдко случается, чтобы эти предпріятія не удавались“.

Мы не были особенно бдительны, и великому визирю легче удалось провести насъ.

Мнѣ кажется, что въ этихъ случаяхъ нужно непременно принимать одну предосторожность, которая, по-моему, должна дать превосходные результаты. Необходимо имѣть въ разныхъ мѣстахъ небольшія, легкія лодочки, въ которыхъ можно было бы незамѣтно переправиться на другую сторону и узнать, что дѣлается у непріятели. Еще лучше разставлять небольшіе отряды, въ 200—300 человекъ, на близкомъ одинъ отъ другого разстояніи. Эти маленькіе отряды должны имѣть постоянныя между собою сношенія и, при помощи сигналовъ, быстро соединяться къ мѣсту непріятельской высадки. Если непріятель высаживается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то никогда не надо высылать противъ него слабыя силы, такъ какъ онѣ одинѣ ничего не могутъ сдѣлать непріятелю, сами же рискуютъ быть разбитыми. Въ этихъ случаяхъ, когда успѣхъ для насъ такъ важенъ и необходимъ, надо атаковать непріятели своими лучшими войсками и непременно значительными силами. Въ данномъ случаѣ, мы, имѣя главныя силы собранными, послали полки одинъ за другимъ и всѣ они были разбиты.

Я находился въ это время въ Журжевѣ у Кутузова, который былъ недоволенъ, что я участвовалъ въ первомъ ночномъ дѣлѣ и приказалъ мнѣ остаться съ нимъ. Мнѣ показалось, что ему хотѣлось, чтобы героемъ этого сраженія былъ Булатовъ, которому онъ очень протезировалъ и хотѣлъ его произвести въ генераль-лейтенанты. Я вполне раздѣлялъ его желаніе, но мнѣ казалось, что онъ не долженъ былъ скрывать это отъ меня и лишать мой корпусъ возможности поддержать Булатова. Самъ же я могъ остаться при немъ.

Генераль Булатовъ, человекъ смѣлый и предприимчивый, видя, что мы потеряли слишкомъ много времени и что теперь для насъ каждая минута дорога, отдалъ приказаніе атаковать непріятельскій редутъ тремя колоннами: съ праваго фланга — 37-мъ егерскимъ полкомъ и Архангелогородскимъ, въ центрѣ — Староингерманландскимъ полкомъ и съ лѣваго фланга — Старооскольскимъ полкомъ. Атака производилась фронтальная; но если бы они знали лучше мѣстность и изучили бы начертаніе укрѣпленій, которыя во многихъ мѣстахъ были начаты, но не были доведены до Дуная, то они увидѣли бы, что ихъ можно было обойти съ фланга, вдоль Дуная.

Этотъ ретраншаментъ былъ построенъ на небольшой, довольно длинной, но узкой возвышенности и подойти къ нему очень трудно, такъ какъ лѣсъ и мелкіе кусты, покрывавшіе эту мѣстность, разстроили весь порядокъ наступленія нашихъ колоннъ и помѣшали имъ прибыть одновременно.

Булатовъ, вслѣдствіе ли своей поспѣшности или оплошности, не измѣнилъ диспозиціи, и полки, построившись въ карэ, начали атаку, потащивъ за собой, между кустарниковъ, и свои пушки.

Полковникъ Шкайскій добрался до лѣваго фланга по гребню ретраншаментовъ, которые онъ легко могъ бы снести, если бы за нимъ слѣдовала центральная колонна, но подполковникъ Жабокрицкій, командовавшій Старонингерманландскимъ полкомъ, былъ убитъ ударомъ сабли, и его полкъ, считавшійся однимъ изъ очень хорошихъ, отступилъ, потерявъ одно знамя.

Турки, преслѣдуя ихъ, выскочили изъ своихъ укрѣпленій и зашли во флангъ другимъ колоннамъ. Во время этого нападенія особенно пострадалъ Старооскольскій полкъ: у него была отнята пушка, которой они совсѣмъ не должны были брать съ собой; 3 или 4 офицера полка были опасно ранены.

Въ это время, предприимчивый Шкайскій, пробираясь по гребню укрѣпленій, продолжалъ свое наступленіе, и Булатовъ, видя это, приказалъ только-что прибывшему 7-му егерскому полку поддержать Шкайскаго и начать новую атаку. Но атака не удалась, а командиръ полка Лаптевъ былъ сильно раненъ. Тогда Булатовъ задумалъ предпринять въ третій разъ атаку, но на ея успѣхъ никакъ нельзя было рассчитывать, такъ какъ наши люди были уже сильно утомлены и не обладали уже той энергіей для нападенія, каковой одушевлены были турки для обороны себя.

Послѣ этихъ трехъ неудачныхъ атакъ, Булатовъ, подкрѣпленный всѣми своими войсками, отдалъ приказаніе егерямъ засѣсть въ лѣсъ, находившійся въ 50 шагахъ отъ непріятельскаго укрѣпленія; затѣмъ, по берегу Дуная расположилъ батареи, которыя анфилировали турокъ и заставили ихъ понести большія потери, и, наконецъ, остальные войска поставилъ фронтомъ и открылъ огонь.

Отъ безконечнаго огня 25 орудій, большого калибра, которыя визирь успѣлъ поставить на возвышенностяхъ лѣваго берега Дуная и изъ которыхъ стрѣляли въ продолженіе 10 часовъ, наши войска тоже сильно пострадали.

Ахметъ, слѣдуя своему обѣщанію, отослалъ всѣ лодки на правый берегъ и этимъ отнялъ всякую надежду на возможность возврата или бѣгства, чѣмъ и возбудилъ нѣкоторое мужество своихъ войскъ; нѣсколько янычаръ, взятыхъ нами въ плѣнъ, имѣли непрости-

тельную неосторожность выразить неудовольствіе противъ визиря, сильно осуждая его за то, что, будто условясь съ нами, онъ нарочно хочетъ всѣхъ ихъ погубить¹⁾).

Между тѣмъ, нашей артиллеріи удалось взорвать два турецкихъ зарядныхъ ящика, и взрывъ этотъ произвелъ такое ужасное разрушеніе, что начальникъ турецкаго отряда Эдинъ-паша, опасно раненый, рѣшился бѣжать и на единственной лодкѣ, оставшейся у лѣваго берега, переплылъ Дунай на другую сторону.

Въ этотъ день погибло до 1.500 турокъ, изъ которыхъ часть были убиты нами, а остальные, въ началѣ дѣла, кинулись въ рѣку и потонули. Нѣкоторые пробовали переплыть Дунай на фашинахъ, но наша артиллерія тщательно оберегала берегъ, не допуская ихъ къ рѣкѣ, даже за водой. Положеніе турокъ было дотога безвыходно, что прибывшій изъ Петрикъ, съ пятью казачьими полками, полковникъ Сысоевъ самъ послалъ имъ предложеніе о сдачѣ. На это они отвѣчали, что они явились сюда, чтобы побить насъ, а не для того, чтобы складывать оружіе. Эта тирада не улучшила ихъ положенія, и они не могли избѣгнуть той судьбы, которая ихъ ожидала вслѣдствіе ихъ необдуманныхъ и слишкомъ смѣлыхъ дѣйствій.

Если бы мы остались на тѣхъ же мѣстахъ еще 24 часа, занявши лѣсъ стрѣлками и выстроивъ на флангахъ сильныя батареи, для защиты береговъ Дуная отъ новаго десанта и не допуская ни одной лодки переплыть его,—можно не сомнѣваться, на слѣдующій день всѣ турки сдались бы. Такого мнѣнія держались Сабанѣевъ и я, а съ нами соглашались всѣ артиллерійскіе офицеры (Леонтовичъ, Шереметевъ, Силичъ и др.), поведеніе которыхъ въ этомъ дѣлѣ выше всякой похвалы.

Но меня удивило, что Булатовъ не былъ одного мнѣнія съ

¹⁾ Я уже говорилъ, что визирь Ахметъ, какъ и султанъ, были величайшими врагами янычаръ. Самъ повелитель уже нѣсколько разъ подвергалъ ихъ наказанію и отобралъ все имущество у большинства этой мятежной милиціи. Поэтому въ Константинополь всегда можно было ожидать кровавой революціи.

Одинъ изъ янычарскихъ начальниковъ Лагеръ-Агасси былъ убитъ нами въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ мы оказали великому визирю и султану неоцѣненную услугу, такъ какъ уничтожили одного изъ самыхъ буйныхъ мятежниковъ и убійць.

1827 г. Революція дѣйствительно произошла, но не тамъ, гдѣ я предполагалъ. Теперь янычары больше не существуютъ. Султанъ отдалъ приказъ ихъ всѣхъ уничтожить.

нами; это тѣмъ болѣе странно, что онъ всегда былъ скорѣе склоненъ на слишкомъ смѣлая предпріятія.

Въ 5 ч. вечера онъ прибылъ къ Кутузову и передалъ ему свои опасенія потерять слишкомъ много людей. Дѣйствительно, огонь батарей съ турецкой стороны Дуная и перестрѣлки въ лѣсу стоили намъ очень дорого. Но теперь, когда успѣхъ былъ такъ обезпеченъ, было не время жалѣть нѣсколько людей. Кутузовъ долженъ былъ бы самъ осмотрѣть мѣстоположеніе, которое находилось отъ него всего въ двухъ верстахъ. Но онъ былъ слишкомъ утомленъ, плохо выспался, наконецъ, онъ не любилъ пугъ.

У него его сонъ, лѣнь, изнѣженность стоятъ выше всего, даже выше долга. Смѣлый переходъ турокъ на лѣвый берегъ Дуная заставилъ его совершенно потерять голову, и Кутузовъ, обезпокоенный нашимъ положеніемъ, цѣлые дни проводилъ въ своей палаткѣ, грустный и молчаливый.

Не желая обращать вниманія на то, что мы были гораздо сильнѣе турокъ и что мы могли, дня черезъ два, три, ожидать еще подкрѣпленій, Кутузовъ началъ поговаривать объ отступленіи въ Петрикп, куда онъ уже и отправилъ свой вагенбургъ.

Если бы Кутузовъ отступилъ, то этимъ онъ открылъ бы Валахию туркамъ, и тогда онъ долженъ бы былъ оставить Бухарестъ. Никогда еще мысль болѣе малодушная и лишенная всякаго здраваго смысла не приходила въ голову главнокомандующему и, не вмѣшайся въ это дѣло Сабанѣевъ и я, онъ бы пожалуй привелъ ее въ исполненіе. Кутузовъ, хотя и отказался вскорѣ отъ своего намѣренія, но все-таки никакъ не хотѣлъ оставлять войска на прежнихъ позиціяхъ. Роковой проектъ Булатова слишкомъ согласовался съ нерѣшительнымъ и трусливымъ характеромъ Кутузова.

Къ нашему сожалѣнію, мы получили приказъ занять позицію полукругомъ, позади турецкаго укрѣпленія, на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла, на пустынномъ, тогда высохшемъ болотѣ, гдѣ мы и остановились бивакомъ, построенные въ каре, въ самомъ неприятомъ ожиданіи. Черезъ нѣсколько дней мы получили подкрѣпленіе и стали на много сильнѣе турокъ.

Въ помощь къ намъ прибыли: 8 баталіоновъ 9-й дивизіи (2 остались въ вагенбургѣ, 2—въ Бухарестѣ, а 6 резервныхъ—въ Одессѣ), а затѣмъ и 15-я дивизія.

Генераль-маіоръ Сергѣй Ермоловъ, командовавшій 9-й дивизіей, весьма уважаемый, достойный, хорошаго характера, но, пожалуй, не совсѣмъ подходящій для самостоятельнаго командованія отдѣльнымъ отрядомъ.

Генераль-лейтенантъ Евгений Марковъ, командовавшій 15 ди-

визіей, былъ одаренъ природнымъ умомъ и находчивостію; онъ обладалъ искусствомъ держать свои войска въ необыкновенномъ порядкѣ; онъ хотя и не получилъ большого военнаго образованія, но имѣлъ привычку къ службѣ и войнѣ, что многимъ военнымъ вполне замѣняетъ знанія. Марковъ былъ нѣсколько разъ раненъ и, опасаясь еще разъ быть контуженнымъ, очень берегъ свою особу.

Его характеръ не отличался особенными положительными качествами, и онъ имѣлъ много недостатковъ; грубый, рѣзкій, несправедливый съ подчиненными, завистливый къ товарищамъ; интриганъ съ высшими лицами, всегда готовый испортить предпріятіе начальника, съ цѣлью достигъ какихъ-нибудь выгодъ для себя, считающій интересы арміи за ничто, а свои личные—все, наконецъ, онъ, ради выгодъ для себя готовъ былъ причинять зло другимъ. Онъ всѣми былъ презираемъ и не любимъ. Онъ былъ страстный игрокъ и мало пренебрегалъ средствами, могущими добыть ему деньги.

Въ кампаніи 1806 г. съ французами онъ потерпѣлъ полное пораженіе въ Морунгенскомъ дѣлѣ, не выказавъ ни храбрости, ни способностей. Въ этомъ дѣлѣ, по его винѣ, былъ убитъ полковникъ Оренко, прибывшій въ помощь къ нему и чтобы поправить сдѣланныя имъ глупости. По справедливости его надлежало бы отдать подъ судъ за такой поступокъ, какъ это было сдѣлано съ Сакеномъ за его поступокъ подъ Гутштатомъ, но Марковъ обладалъ умѣньемъ силою разныхъ низостей и интригъ, пріобрѣтать расположеніе адъютантовъ, директоровъ канцелярій и вообще всѣхъ тѣхъ, которые пользуются довѣріемъ начальствующихъ генераловъ. Благодаря этимъ своимъ способностямъ, ему удалось избѣжать слѣдствія, назначеннаго военнымъ министромъ, по розыску внезапно исчезнувшихъ въ Псковскомъ полку, которымъ командовалъ Марковъ, суммъ въ 80 т. р. Но ни при гр. Каменскомъ, ни при Кутузовѣ, приказаніе это не исполнялось и дѣло на этомъ и покончилось.

Между тѣмъ изъ Бухареста прибылъ Камчатскій полкъ, изъ М. Валахій подошелъ гр. Паленъ съ своими Дерптскими драгунами и Выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ, который Кутузовъ долженъ бы былъ отправить на усиленіе ген. Засса, какъ имѣвшаго слабыя силы, подошелъ изъ Обилешти ген. Эссенъ съ 8 егерскимъ Украинскимъ, Бѣлорусскимъ гусарскимъ и 8-ю двѣнадцати фунт. пушками. Такимъ образомъ, все это вмѣстѣ составляло массу въ 22—23 тысячи человекъ, начальствовать надъ которыми Кутузовъ назначилъ меня.

Затѣмъ я вскорѣ получилъ, наконецъ, чинъ генерала-отъ-инфантеріи, но больше всего меня радовало участіе, которое при-

нимали мои товарищи, подчиненные и солдаты въ моемъ повышеніи. Это еще болѣе заставляло меня цѣнить милость Государя¹⁾.

И такъ, я составилъ два корпуса: первый, правый—былъ подъ начальствомъ Эссена, а второй, лѣвый—подъ начальствомъ Маркова. Я также усилилъ отрядъ ген. Гартинга, который занималъ четыре редута, прилегавшихъ къ самому лѣвому флангу. Первый редутъ былъ на берегу Дуная, противъ р. Лохъ, а послѣдній находился на возвышенностяхъ Слободзеи; между этими двумя я построилъ еще два.

Послѣ Слободзейскаго сраженія, турки, какъ и слѣдовало ожидать, перевезли черезъ Дунай, на лѣвый берегъ, свою кавалерію и артиллерію и расположились вдоль всего берега, начавъ строить укрѣпленія. У нихъ оказалось около 15 или 20 тысячъ человѣкъ, между которыми 3—4 тысячи было кавалеріи. Визирь со всей остальной арміей, оставивъ лагерь у Рущука, перебрался на самый берегъ Дуная (правый), чтобы самому руководить операціями съ занятыхъ возвышенностей.

Если бы визирь воспользовался своимъ преимуществомъ, т. е. тѣмъ, что онъ въ первую же ночь послѣ сраженія при Слободзеѣ перевезъ черезъ рѣку большую часть своихъ войскъ и атаковалъ бы насъ на слѣдующій день битвы, весьма возможно, что ему удалось бы насъ отбросить. Тогда Журжево осталось бы подъ защитой только слабаго гарнизона и турки, занявъ его, легко могли бы проникнуть въ Валахію. Мы были бы отрѣзаны отъ корпуса Засса и вездѣ они внесли бы опасенія и даже панику.

Но паника и безъ того уже проникла въ Бухарестъ, гдѣ ей способствовалъ распространяться плохой надзоръ и французская и греческая партіи. Много бояръ, по обыкновенію, исчезли въ Трансильванію (куда они прекрасно знали дороги), и остальные готовились слѣдовать ихъ примѣру.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Я очень люблю русскихъ солдатъ и самъ я всегда былъ любимъ какъ ими, такъ и подчиненными офицерами. Отношенія же мои къ генераламъ оставляли желать многого, такъ какъ я всегда требовалъ отъ нихъ очень многого, а они не привыкли къ этому. Тѣмъ не менѣе, среди нихъ, у меня были настоящіе друзья, какъ-то: Петръ Эссенъ, Александръ Войновъ, Павелъ Иловайскій, съ которыми я близко сошелся во время этой турецкой кампаніи.